

Рута Файн
Осколки

«Автор»

2026

Файн Р.

Осколки / Р. Файн — «Автор», 2026

Когда твой мир рушится, остается только два пути: собирать обломки в прежний, кривой узор или нанять архитектора. Лэйни Брукс думала, что ее семь лет отношений с Беном — это несущая конструкция. Но одна коробка с доказательствами измены от лучшей подруги превращает ее идеальный дом в руины. Выставленная за дверь, с разбитой чашкой в кармане и выжженной землей в сердце, Лэйни готова сдаться. Но в пустом доме, который Бен поспешно продал, ее встречает новый хозяин — Форд Хейл. Он огромен, молчалив и выглядит так, будто сам только что выбрался из-под завалов. Два года назад Форд потерял жену и дочь в автокатастрофе и купил этот дом, чтобы дышать одним воздухом со своим горем.

© Файн Р., 2026

© Автор, 2026

Рута Файн

Осколки

Название: Осколки Глава 1. Семь лет, два часа и разбитая чашка

Семь лет. Именно столько времени требуется, чтобы человек стал для тебя воздухом. И ровно два часа, чтобы понять, что этот воздух был ядовитым. Я, Лэйни Брукс, стояла посреди нашей кухни в Остине, глядя на осколки белой керамики, рассыпанные по дубовому полу. Это была не просто чашка. Это была та самая чашка, которую Бен подарил мне в нашу первую годовщину. На ней кривым шрифтом было написано: «Я люблю тебя больше, чем кофе, а это о многом говорит». Теперь она была мертва. Как и мое терпение. — Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны?! — мой голос дрожал, но не от слез. От ярости. Той самой, холодной и звенящей, которая приходит после того, как выплачешь все океаны. — Она прислала мне скриншоты, Бен! С твоими голосовыми! «Спокойной ночи, родная». Родная, Бен! Ты назвал мою лучшую подругу «родной»! Бен стоял, прислонившись к холодильнику. В своей фланелевой рубашке, с трехдневной щетиной и с очень виноватым видом. В любой другой день мое сердце бы разорвалось от желания его обнять. Но сегодня я видела предателя. — Лэйни, это не то, что ты думаешь, — начал он свой заученный текст. — Мы просто работали над проектом ночами. Мы были на грани срыва контракта. Это просто слова. — Просто слова? — я горько рассмеялась, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Семь лет, Бен. Я отдала тебе семь лет. Я сидела с твоей матерью, когда у нее нашли рак. Я вкладывала свои сбережения в твой стартап по производству экологических кроссовок, который едва не обанкротил нас в прошлом году. Я была твоей командой. А ты искал «родную» на стороне, потому что я отказалась бросить работу ради твоего очередного кризиса. Я схватила свою сумку. Руки тряслись. — Я еду к сестре. Не звони мне. Дверь хлопнула, отрезая меня от прошлой жизни. —

Глава 2. Архитектор и его призраки

У моей сестры Мора был идеальный дом, идеальный муж и идеальный лабрадор. И запах кофе, который всегда встречал меня в моменты моих жизненных катастроф. — Он назвал ее «родной»? — Мора протягивала мне бокал красного вина, пока я сидела на ее идеально белом диване, поджав под себя ноги. — Бен всегда был драматичной королевой. Выпей. Я сделала глоток. Каберне терпкой волной прокатилось по горлу. — Мне тридцать два. Я потратила свои лучшие годы на человека, который не смог отличить поддержку от измены. Что со мной не так? — С тобой все так, — она села рядом. — На следующий день я проснулась с чугунной головой и четким планом: забрать свои вещи, подать на развод и сжечь ту самую фланелевую рубашку. Но у Вселенной, как известно, паршивое чувство юмора. Когда я подъехала к нашему дому, чтобы собрать коробки, на подъездной дорожке стояла чужая машина. Старая, пыльная «Тойота». Я вошла в дом, ожидая увидеть Бена с очередной «родной», но в гостиной сидел совершенно незнакомый мужчина. Он был огромен. Широкие плечи, руки в старых шрамах — не офисных, а настоящих, рабочих. И глаза. Бездонные, серые, цвета техасского неба перед бурей. Он держал в руках мою любимую вазу, рассматривая трещину на ней. — Вы кто? — рявкнула я, забыв про этикет. — Где Бен? Мужчина медленно поднял голову. — Бен продал этот дом. Закрытие сделки было вчера. Вы, должно быть, Лэйни. Риелтор сказал, что вы заедете за вещами. Земля ушла из-под ног. Продал? Он продал наш дом, даже не сказав мне? — Кто вы такой? — Форд. — Он встал, и комната словно стала меньше. — Я архитектор. Я купил этот дом. Он обвел взглядом гостиную, задержавшись на пустой стене, где раньше висели наши свадебные фото. — Простите, что застал вас врасплох. Я не собирался въезжать так быстро. Я просто... приехал посмотреть на свои призраки. — Это были мои призраки, — огрызнулась я, проходя мимо него на кухню. — И вы их только что потревожили. Я начала швырять в коробки свои книги, косметику, посуду. Форд не уходил. Он стоял в дверном проеме, как непреодоли-

мая преграда. — Вы не обязаны делать это сами, — сказал он. Голос у него был низкий, вибрирующий где-то в районе солнечного сплетения. — Я могу нанять людей. — Я не хочу, чтобы чужие люди трогали мои вещи, — я смахнула злые слезы тыльной стороной ладони. — Я просто хочу, чтобы это закончилось. — Вещи имеют свойство заканчиваться, — тихо произнес он. — А люди — нет. Он подошел к шкафчику, достал скотч и молча начал заклеивать дно моей коробки, которая грозила развалиться. Его движения были точными, экономными. В них не было суеты Бена. В них была тяжесть. — Почему вы купили дом, в котором только что умерла чужая семья? — спросила я, наблюдая за его руками. Форд на секунду замер, заклеивая край ленты. — Потому что у меня тоже умерла семья. Моя жена и дочь. Авария. Два года назад. Я уехал из Чикаго, чтобы перестать спотыкаться о мебель, которую мы выбирали вместе. Я думал, если построить стены с нуля, станет легче. В кухне повисла тишина. Мои слезы высохли. Боль в его глазах была такой осязаемой, что моя собственная боль от предательства Бена вдруг показалась... мелкой. Поверхностной. Это была царапина по сравнению с его выжженной землей. — Извини, — прошептала я. — Я не знала. — Никто не знает, — он закончил с коробкой и посмотрел на меня в упор. — Пока мы сами не расскажем.

Глава 3. Трещины в фундаменте

Следующие две недели превратились в странный, болезненный танец. Я забирала вещи частями, потому что каждая поездка в дом, где я была счастлива, выжимала из меня все соки. Форд всегда был там. Он уже начал сносить стены. Мы почти не разговаривали. Мы пили плохой кофе из автомата. Он слушал, как я рыдаю в машине, думая, что он не видит. А я видела, как он по ночам сидит на крыльце недостроенного дома и смотрит в темноту. Однажды я приехала и нашла на крыльце старую лестницу. Ту самую, на которой Бен сделал мне предложение. — Зачем ты ее оставил? — спросила я, кивая на дерево. — Она красивая, — пожал плечами Форд. — Дерево живое. Зачем убивать его из-за того, что люди, которые на нем стояли, оказались трухой? Он подошел ко мне слишком близко. В воздухе запахло сандалом, потом и древесной стружкой. — Лэйни, — его голос стал хриплым. — Ты выглядишь так, будто тебя переехал каток. И ты продолжаешь вставать на дорогу. — Я не умею по-другому, — выдохнула я. — Я научу, — он положил свою огромную, теплую ладонь мне на щеку. Его поцелуй не был похож на поцелуи Бена. Бен целовал меня нежно, как фарфоровую куклу, боясь разбить. Форд целовал меня так, будто я была единственным спасательным плотом в шторм. Грубо, отчаянно, вкладывая в это касание губ всю свою тоску по тем, кого он потерял, и всю надежду на то, что выжить все-таки можно. Я ответила. Я вцепилась в его фланелевую рубашку — он носил ее, потому что она напоминала ему о дочери, которая любила фланель. И в этот момент мы оба поняли: мы не просто два разбитых человека. Мы — два человека, которые пытаются собрать себя из осколков, используя чужой клей. — Это плохая идея, — прошептала я ему в губы, когда мы оторвались друг от друга, задыхаясь. — Ты только въехал. — Стены уже рушатся, — он прижался лбом к моему. — Пусть рушатся до основания. Мы построим новые. Я чертовски хороший архитектор.

Глава 4. Недостроенный дом

Утро началось не с запаха кофе. Оно началось с запаха антисептика и звука дрели. Я открыла глаза и поняла две вещи: во-первых, я лежу в чужой кровати в гостевой комнате Моря. Во-вторых, на моей щеке отпечатался узор от фланелевой рубашки, которая сейчас валялась на полу. Но рубашка была не Бена. Она была Форда. Паника ударила в голову ледяной волной. Это было третье правило выживания после измены: не спать с первым встречным, особенно если у этого встречного глаза цвета свежего цемента и шрамы по всему телу. Я тихо спустилась вниз. Мора уже колдовала у плиты, жаря бекон. — Ну что, голова на месте? — спросила она, даже не поворачиваясь. — Или осталась на подушке у мистера Гризли? — Мора, это была ошибка, — я упала на барный стул. — Мы оба ранены. Мы просто... использовали друг друга как анестезию. — Анестезия обычно не целуется так, будто от этого зависит их пульс,

— она поставила передо мной тарелку. — И он оставил это тебе. На столе лежал мой телефон. Экран был включен. Там было сообщение от неизвестного номера. Вернее, от Форда. *«Стены выдержали. Завтрак в 9:00. Я заеду. Ф.»* Я чуть не подавилась кофе. — Он заедет сюда? — Я дала ему адрес, — невозмутимо пожала плечами сестра. — Тебе нужно поесть. И перестать анализировать химию. Если мужик умеет держать дрель и целуется так, что у тебя искры из глаз сыплются — это божий промысел, а не повод для психотерапии. — Он приехал не на «Тойоте». Он приехал на огромном черном пикапе, в кузове которого лежали мешки с сухой смесью. — Я подумал, мы можем начать с патио, — сказал он вместо приветствия, когда я вышла на крыльцо. На нем были старые рабочие джинсы, низко сидящие на бедрах, и все та же чистая фланель. — У тебя руки по локоть в моей пыли, Лэйни. Раз уж мы начали строить, давай закончим. — Я не нанималась к тебе в подсобные рабочие, — попыталась возмутиться я, но он уже открыл мне дверь пикапа. — Нанималась. Вчера ночью. Ты подписала контракт своими губами. Его улыбка была редкой гостьей на этом лице, и она делала его моложе лет на десять, стирая ту вечную усталость, которую я видела в его глазах. Мы провели день на заднем дворе. Солнце жарило нещадно, Техас не прощал слабости. Я мешала бетон в старой тачке, мышцы рук горели, спина ныла. Форд работал молча, выкладывая камни для фундамента будущей беседки. — Знаешь, что самое страшное в потере ребенка? — вдруг спросил он, не поднимая головы от уровня. — Не тишина в доме. Самое страшное — это злость. Я злился на нее за то, что она не держала меня за руку крепче. Злился на жену за то, что она села на то сиденье. Я ненавидел их за то, что они оставили меня одного. И ненавидел себя за эту ненависть. Я вытерла пот со лба тыльной стороной ладони, оставив на лице серую полосу. — А на кого злюсь я? — тихо спросила я. — На Бена за то, что он предал? Или на себя за то, что семь лет была слепой дурой, которая верила, что если я буду достаточно удобной, он не уйдет? Форд отложил уровень. Он подошел ко мне, взял мои руки в свои. Они были горячими и шершавыми от работы. — Ты злишься на себя за то, что выжила, — сказал он просто. — Ты злишься, что твоя жизнь продолжается, а его предательство не убило тебя на месте. Это чувство вины выжившего, Лэйни. Он притянул меня к себе, прямо там, среди мешков с цементом и запаха мокрой земли. — Ты не должна была ломаться ради него. Ты должна была сломаться ради себя. Чтобы собрать себя заново. Его поцелуй был соленым от пота и горьким от правды. И в этот момент я поняла: я не хочу быть собранной. Я хочу быть сломанной вместе с ним. Потому что только тот, кто знает, каково это — быть руинами, знает, как правильно держать кирпичи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.